
БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ ЗА МАРОККО В ХОДЕ ПЕРВОГО МАРОККАНСКОГО КРИЗИСА 1905 Г.

К.Ю. Дербицкая

Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, Россия, 119992

В статье рассматривается борьба Англии, Германии, Франции и Испании за Марокко в период марокканского кризиса 1905 г., ставшего первым примером высшего противостояния держав вокруг султаната; исследуется предыстория событий 1905 г., выделяются внутренние фазы кризиса, оцениваются итоги Альхесирасской конференции для конфликтующих сторон, а также проводится параллель между локальным и европейским уровнем взаимоотношений держав. Особое внимание автор уделяет роли марокканского фактора в поляризации системы международных отношений кануна Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первый марокканский кризис, Марокко, Т. Делькассе, Антанта, Альхесирасская конференция (1906), международная поляризация.

Международный конфликт — это прямое или косвенное столкновение интересов двух и более сторон, в основе которого лежит наличие объективных или субъективных противоречий. Анализ последовательно меняющихся фаз развития конфликта позволяет рассматривать его как единый процесс, обладающий различными, но взаимосвязанными сторонами. В изучении международных конфликтов особый интерес представляет перерастание конфликта в кризис, являющееся определенным рубежом в конфликтных отношениях сторон. История международных отношений начала XX в. дает богатый материал для изучения международных конфликтов: накопленные противоречия политического, экономического, идеологического характера стали источником дестабилизации для сложившейся модели взаимоотношений великих держав. Эти противоречия нашли свой выход в череде кризисов, развернувшихся как на периферии системы международных отношений, так и в Европе. Именно тогда в полной мере сказалось влияние международных кризисов на всю сферу взаимодействия государств, проявились их конструктивные и деструктивные функции. В конечном итоге, они привели мир к войне.

Марокканский вопрос начала XX в. является ярким примером развития международного конфликта, который соединил несколько уровней взаимоотношений государств: борьба заинтересованных держав за колониальные сферы (Германии и Франции за Марокко) и за перераспределение сил на общеевропейской арене (столкновение Германии и Антанты). В данной статье мы видим свою задачу в изучении Первого марокканского кризиса, который стал знаковым событием международной жизни данного периода и одновременно явился первым примером наивысшего противостояния держав вокруг этой небольшой африканской страны. В ходе его развития развернулась довольно острая борьба заинтересованных держав за формально суверенное, однако, фактически находившееся в зависимости от французов африканское государство.

События 1905 г. неоднократно становились предметом изучения как в отечественной, так и зарубежной историографии. Исследователи акцентировали свое внимание на различных аспектах кризиса, придавая ему европейский характер, при этом роли марокканского фактора в повышении общей конфликтной атмосферы в Европе практически не уделялось внимания. На наш взгляд, противоречия сторон в локальной подсистеме и поиск выгодных решений спорных вопросов были напрямую связаны с общеевропейской политикой великих держав. Первый марокканский кризис довольно четко обозначил расстановку сил как на периферии, так и в европейской системе взаимоотношений государств. Нам кажется интересным рассмотреть данный кризис не столько с позиции причин его возникновения, сколько с точки зрения его функции в эволюции международных отношений данного периода, в частности — его роли в процессе раздела Европы на два противостоящих блока — Антанты и Тройственного союза.

К рубежу 1904—1905 гг. французы, получив признание на преимущественное положение в Марокко со стороны англичан, удовлетворив притязания испанцев и итальянцев (речь идет о соглашении с Испанией 1904 г. и с Италией 1902 г., которые разграничили сферы влияния держав в Марокко), не придавая должного значения заинтересованности немцев в султанате, посчитали марокканский вопрос полностью разрешенным в свою пользу и приступили к превращению страны в новую колонию. В планы Парижа входило создание единой цепи французских колоний через весь Африканский континент, в которой Марокко выступало в роли своеобразного «моста» между французской северной и западной Африкой и становилось логичным завершением «французского африканского блока» [14. С. 143].

Планы Парижа вызвали серьезное недовольство Германии, намерившейся воспрепятствовать появлению французского Марокко. Стоит отметить, что к 1904—1905 гг. немцы занимали сильные экономические позиции в «Империи шерифов», германо-марокканский торговый оборот составил 45% от общего внешнего товарооборота султаната, а по импорту они опережали французов и вышли на второе место (24%) [4. С. 48]. Германия не могла примириться с англо-французским соглашением 1904 г.: вполне логично, что, позиционируя себя как одна из самых сильных в военном отношении держав Европы, она почувствовала себя ущемленной в столь важном в экономическом и стратегическом плане регионе на северо-западе Африки [4. С. 52]. Таким образом, марокканская проблема оказалась связанной с вопросом национального престижа Германской империи на международной арене. Поэтому немецкая дипломатия решила внести свои коррективы в англо-французскую игру путем противодействия проникновению французов в Марокко. Немецкий канцлер Б. фон Бюлов отмечал по этому поводу: «Пока что для нас выгодно поддерживать статус-кво в Шерифской империи; мы будем отказываться в признании так долго, как это возможно, настаивая на том, чтобы государства, не подписавшие декларацию 8 апреля, ничем не были обязаны Франции на основе соглашения о Марокко, заключенного между Францией и Англией» [12. v. III. № 190].

Таким образом, обострение конфликта интересов двух сторон в конкретном регионе и выдвигание на первый план спорного вопроса о равном участии двух держав в судьбе марокканского султаната толкало Германию к решению заставить

французов «уважать» свои права в «Империи шерифов». В июле 1904 г. в инструкции германскому послу во Франции фон Бюлов писал, что «поступательное сокращение стран, в которых еще возможны свободный сбыт и неограниченная хозяйственная деятельность», не позволяет недооценивать значения Марокко для Германии, отметив соперничество между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией — с другой. К весне 1905 г. заинтересованные стороны не смогли найти должный способ компромиссного разрешения противоречий вокруг Марокко. Непосредственным поводом для начала кризиса послужил предложенный Парижем проект административных, военных и финансовых реформ, который включал в себя реорганизацию марокканской армии, реформу управления полиции и правовых норм, а также основание Марокканского государственного банка — все это должно было проводиться под прямым контролем французов. Официально данные реформы были призваны модернизировать экономическую и политическую жизнь марокканского султаната, но в действительности были нацелены на окончательное его закабаление французами [10. v. VI. № 174].

В Берлине данное известие восприняли как сигнал к началу более активных действий в этом регионе. Маневры Парижа, благоприятная международная обстановка (имеется в виду начало русско-японской войны, которая, как полагали в Берлине, подорвала бы союзнические обязательства России перед Францией, поскольку Петербург не смог выдержать войны на два фронта) [6. С. 17], давление со стороны заинтересованных в марокканских недрах немецких промышленников стали окончательными доводами для осуществления давно созревшего в немецких политических кругах плана припугнуть французов и помешать им в установлении своего протектората [12. v. III. № 262].

Германия провела серьезную подготовку своего «марокканского демарша», в чем огромная заслуга принадлежала фон Бюлову. Так, 15 марта 1905 г. он направил в рейхстаг документ, в котором настаивал на усилении давления на султана с целью продвижения торговых и промышленных интересов Германии в Марокко [12. v. III. № 262]. В такой ситуации, по мнению канцлера, визит немецкого кайзера в султанат стал бы «историческим актом», который не только помог закрепить экономические успехи немцев, но явился бы мощной политической и дипломатической поддержкой экономической экспансии Германии в этот регион [12. v. III. № 285]. Первоначально император Вильгельм II выступил против активного вторжения немцев в марокканский вопрос, главным образом, из-за обид общей политики. Все же, после заверений канцлера, что «все внимание мира будет приковано к нему», он дал согласие на поездку в Марокко [12. v. III. № 285].

Тщательно спланированное прибытие немецкого императора Вильгельма в Марокко дало толчок эскалации давно созревших разногласий заинтересованных держав, а его знаменитая речь, произнесенная 31 марта 1905 г. во дворце султана, ознаменовала собой переход марокканского конфликта из латентного состояния в фазу открытого противостояния сторон [5. С. 463]. В частности, заявив, что его посещение свидетельствует о признании им султана как независимого властелина, император выразил надежду, что свободное Марокко, без монополий и аннексий,

останется открытым для мирной конкуренции всех наций, и обещал принять всеческие меры, чтобы защитить германские интересы в Марокко [10. v. VI. № 171]. Платформа для затеянной демонстрации была довольно удачна: Германия выступала защитницей принципа равноправия всех наций, граждане которых имеют в Марокко те или иные экономические интересы.

На следующий день, 1 апреля 1905 г., в немецкой газете «Кельнише Цайтунг» вышла статья, в которой говорилось, что установление французской власти во всех областях Марокко исключает возможность для других держав получить концессии в железнодорожном строительстве или добыче полезных ископаемых. «То, что подобные концессии необходимо предоставить, если речь идет о действительном внесении в Марокко культуры и прогресса, так же бесспорно, как и то, что концессии чрезвычайно благоприятны для торговли концессионной державы и составляют ее спинной хребет», — говорилось в статье [3. С. 213]. Статья носила явно провокационный характер и была обращена к французам.

Результатом визита императора в Танжер стало дальнейшее обострение франко-немецких отношений. Ведь по существу, данные действия свидетельствовали о твердом намерении Берлина потеснить французов в Марокко, а сделанные кайзером заявления можно расценить как готовность Германии прибегнуть к решительным мерам для урегулирования спорных вопросов на северо-западе Африки [10. v. VI. № 129]. Но за маской защиты суверенитета и территориальной целостности «слабого» государства скрывались действительные намерения Берлина — проверить прочность англо-французского «сердечного согласия».

Как уже отмечалось, германские правящие круги были встревожены англо-французским сближением, опасаясь создания мощной антигерманской группировки в лице Англии, Франции и России [4. С. 95]. Сам факт возникновения Антанты, хотя и являвшейся формально лишь колониальным соглашением, вносил коррективы в европейский баланс сил, что способствовало возникновению конфликтной ситуации и в любой момент могло привести державы к столкновению. В свою очередь, сложившаяся в 1905 г. расстановка сил вокруг Марокко дала толчок для выхода наружу уже обозначившихся противоречий заинтересованных сторон, когда конфликтная ситуация встала на грань перехода в открытое противостояние государств.

Начальная стадия Первого марокканского кризиса характеризовалась невысоким уровнем противостояния сторон, когда конфликт можно было локализовать в рамках франко-германского разбирательства. В целом, кризис можно было предотвратить на стадии его зарождения: по сообщениям британского посла в Мадриде А. Никольсона, еще в феврале 1905 г. Германия была настроена на диалог с французами с целью достичь консенсуса в решении разногласий на марокканской почве и возможности пересмотреть ранее заключенные соглашения с учетом немецких интересов [8. v. III. № 59, 66]. Но французская сторона оказалась невосприимчивой к таким предложениям, что стимулировало дальнейшее обострение марокканского вопроса [8. v. III. № 67, 70].

Действия Берлина вызвали неоднозначную реакцию в Париже. С одной стороны, французы не ожидали от немцев столь решительной настойчивости в требованиях принимать участие в судьбе султаната, но с другой — марокканский

вопрос стал неотъемлемой частью внутривосточной жизни Франции, которая не могла допустить иного варианта его решения, кроме как окончательного присоединения этой страны к своим африканским владениям [14. С. 51]. Поэтому стратегической целью Франции в развернувшемся кризисе было недопущение присутствия «третьих лиц» (Германии) в «Империи шерифов», а тактической — подрыв влияния немцев при дворе султана. Важно также отметить, что марокканский вопрос явился частью более широкого франко-германского конфликта, имевшего долгую предысторию и восходившего к войне 1870—1871 гг.

В то же самое время действия немецкой стороны воспринимались французским политическим руководством скорее как «блеф»: в Париже не верили, что Германия готова к использованию силовых мер для урегулирования существующих разногласий [8. v. III. № 78]. Французское руководство было убеждено, что Германия не начнет войны против Франции якобы по той причине, что Вильгельм II не рискнет подвергнуть свой молодой флот опасности полного разгрома [10. v. VI. № 182]. Наконец, Франция рассчитывала на поддержку своих союзников — Англии и России. «Европа на моей стороне, — заявлял тогда французский министр иностранных дел Т. Делькассе, — Англия поддерживает меня полностью. Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, мое положение превосходно. Германия не может хотеть войны... Она знает, что против нее выступит Англия. Я повторяю: Англия поддержит нас до конца и не подпишет без нас мира» [8. v. III. № 83].

Однако подобные заявления Т. Делькассе, «творца Антанты», были довольно самонадеянными. Несмотря на то, что Париж и Лондон связывало соглашение, Форин оффис признавал только то, что было реально прописано в документе, не выходя за рамки колониального соглашения, а значит, не намереваясь втягивать себя в проблемы Франции, которые она сама же для себя и создавала. В этом, на наш взгляд, проявилась различная оценка сторонами англо-французского соглашения. Если в Париже были готовы к превращению ее в союз военно-политического характера, направленный против Германии, что могло быть зафиксировано в качественно новом соглашении сторон (во французских политических кругах во главе с Т. Делькассе не раз высказывалась идея об окончательном превращении Антанты в союз, направленный против Германии), то Лондон не хотел связывать себя формальными обязательствами, ему ближе была балансирующая роль в системе европейских государств [10. v. VI. № 122]. Кроме того, Англия больше не была заинтересована в султанате, фактически «подарив» его французам в 1904 г., и предоставила им возможность самостоятельно разрешать марокканский вопрос.

Однако ситуация оказалась более глубокой, нежели простое колониальное противостояние двух держав, что осознавали в Форин оффис. Англичане разгадали действительные намерения германского демарша в Марокко, понимая, что основной удар немцев предназначался не Франции или Англии по отдельности, а Антанте в целом, прочность которой и была целью. Ответное желание нанести дипломатическое поражение и умерить амбиции набиравшей мощь Германской империи стали мотивационной основой для поддержки Форин оффисом французской стратегии в ходе марокканского кризиса. И если первоначально в Лондоне заняли вы-

жидательную позицию, наблюдая за действиями конфликтующих сторон, оставляя за французами урегулирование спора, то по мере развития кризиса британское правительство стало решительнее вмешиваться в его ход.

Наконец, третьей страной, на поддержку которой уповал Париж, была Россия. Она была втянута в русско-японскую войну, и заниматься решением спора других держав в далеком Марокко, в котором у Петербурга не было никаких целей, не представлялось возможным. Выполнение союзнических обязательств перед Францией означало, что в случае войны России придется воевать на два фронта. Однако Россия оказалась в критическом финансовом положении, спасти которое могли только французские займы [1. С. 57]. Эти факты убедили Петербург в необходимости поддержать французов в их борьбе с немцами.

Избранная Францией стратегия противодействия Германии, поддержанная ее союзниками, привела к тому, что последняя перестала рассматривать двусторонний диалог как способ урегулирования разногласий и выступила с предложением созвать международную конференцию, на которой был бы подтвержден *status-quo* Шерифской империи. Хотя во французских дипломатических документах содержатся подтверждения того, что председатель Совета министров Рувьё предпринимал неофициальные попытки договориться с немцами, гарантируя им выполнение выдвигаемых условий, и таким образом не обострять конфликт до предела [10. v. VI. № 183; 8. v. III. № 91]. Однако немецкая сторона отвергла предложение о заключении договора. В своем меморандуме немецкий советник барон фон Гольштейн писал: «Мы охотно согласились бы с Францией по отдельным вопросам; но что касается Марокко, мы уже не видим возможности прийти к какому-либо соглашению с Францией ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшем будущем» [12. v. III. № 358]. Созыв конференции виделся немцам обещающим наибольший успех средством сорвать французские планы: в Берлине полагали, что в формате «обмена мнениями» стороны могли бы обсудить «будущее» марокканского султаната. Берлин, говоря о «будущем султаната», подразумевал пересмотр предложенного Парижем плана реформирования марокканского султаната, дававшего французам огромные преимущества, и придания ему международного характера с равным участием других заинтересованных держав, прежде всего Германии. Было очевидно, что стороны не договорились бы о территориальном разделе Империи шерифов или разделе ее на сферы влияния в пользу французов.

Однако Германия не встретила желания французской стороны идти навстречу и совместно договориться о судьбе марокканского султаната. Тогда немцы решили применить иной тактический ход: подрвать позиции соперника «на местах». В Берлине понимали: если под давлением французов султан согласится на предлагаемый проект реформ, их демарш окажется провальным. Получалось, что успех их предприятия частично зависел от Мулай Абдельазиза, и любое его решение могло изменить ход событий не в пользу немцев. Поэтому им требовалось опередить французов и склонить правителя на свою сторону. Стоит отметить, что обстановка в марокканском правительстве также благоприятствовала немцам: внутри него образовалась сильная антифранцузская группировка, нацеленная на освобождение султаната от засилья французов и искавшая поддержку третьих стран [19. С. 216]. Германия прекрасно подходила на эту роль.

Для выполнения поставленных задач еще в феврале 1905 г. ко двору султана со специальными миссиями были направлены немецкие представители, которые в неофициальном порядке уверяли правящего султана, что Германия не имеет политической заинтересованности в Шерифской империи, ее цель — сохранение суверенитета [17. С. 99]. Сразу же после визита императора в Танжер, в апреле 1905 г., в Фес прибыл опытный немецкий дипломат граф Таттенбах, который заверил марокканское правительство в германской поддержке и убедил его не принимать французский проект реформ до тех пор, пока его не обсудит международная конференция [17. С. 101]. Стоит отметить, что немцы особенно подчеркивали значимость роли султана в данном конфликте. Немцы и здесь пошли на хитрость: англичане и французы, подписывая соглашение 1904 г., не сочли нужным консультироваться с марокканским правителем, а просто поставили его перед фактом заключения договора, что весьма огорчило Мулай Абдельазиза, который отказался его ратифицировать. Немцы же хотели выглядеть истинными защитниками суверенитета Империи шерифов, и, используя антифранцузские настроения, всячески подчеркивали, как они дорожат мнением ее правителя. Конечно, это была игра. Таким образом, марокканский султан оказался втянутым во франко-немецкие разбирательства, и каждая сторона делала все возможные попытки заполучить его в свой лагерь.

28 мая 1905 г. Абдельазиз сообщил французскому представителю С.-Р. Тайландье о своем отказе подписать с Францией соглашение, расширяющее ее присутствие в Марокко, и присоединился к требованию немецкого правительства провести международную конференцию [10. v. VI. № 478]. Несомненно, это была важная тактическая победа немецкой стороны: позициям французов при дворе султана был нанесен значительный урон, и постепенно они стали утрачивать свою популярность как среди политиков, так и среди местного марокканского населения, на что указывают сообщения французских представителей [19. С. 237]. На данном этапе развития кризиса немцы фактически потеснили французов «на местах» и стали пользоваться особым доверием среди приближенных к султану политиков.

Сложившаяся ситуация в Марокко всерьез обеспокоила местных французских представителей, которые неоднократно в своих донесениях в Париж указывали на целесообразность пойти навстречу немецким условиям, в противном случае ситуация грозила обернуться не в их пользу [17. С. 115; 10. v. VI. № 275]. Однако Т. Делькассе не намеревался уступать, иначе он был бы вынужден признать неудачной свою политику «мирного проникновения» в страну. Искать поддержки оставалось только у европейских союзников. В данном случае стратегическая победа досталась французам: вопреки немецким ожиданиям, Великобритания и Россия выступили единым фронтом с Францией, продемонстрировав свою способность совместно противостоять Германии. Лондон и Петербург осудили визит Вильгельма II на марокканскую землю, назвав его «политическим фиаско с налетом театральности» [8. v. III. № 61]. Они поддержали французов и присоединились к отказу от созыва марокканской конференции, ибо она ставила под угрозу заключенные в 1904 г. соглашения Англии и Франции, а также и Испании и Франции [8. v. III. № 79].

С одной стороны, бойкот германского предложения Россией и Великобританией способствовал усилению накала в противостоянии великих держав, но с другой — он показал их готовность совместно ответить угрозе изменения сложившейся международной расстановки сил и в целом способствовал консолидации Антанты [20. С. 115]. «Наши правительства должны продолжать относиться друг к другу с абсолютнейшим доверием, осведомлять друг друга обо всем, что им случится узнать, и, насколько это возможно, заранее обсуждать любые случайности, с которыми им придется столкнуться по ходу событий», — писал английский министр иностранных дел Г. Ленсдаун французскому послу в Лондоне П. Камбону [8. v. III. № 94]. Вероятно, под «случайностями» понимались непредвиденные варианты развития марокканского кризиса.

Прямым подтверждением занятой странами-участницами Антанты согласованной позиции стало проведение в апреле-мае 1905 г. переговоров о совместных действиях против Германии, причем они велись как на дипломатическом уровне, так и между представителями морских и военных ведомств. Непосредственным поводом для их начала послужила новость о том, что немцы взамен на обещание оказать поддержку султану хотели потребовать порт на Атлантическом побережье Марокко [8. v. III. № 90]. Как сообщал Ж. Камбон в своей беседе с английским послом в Мадриде А. Никольсоном, в Марокко прибыл германский инженер фон Роттенбург, который, при поддержке немецкой фирмы Круппа должен был заняться строительством форта береговой обороны в Рабате. В дипломатических кругах Парижа и Лондона это известие было расценено, как намерение Германии закрепить за собой Рабат в качестве базы для немецкого флота на Атлантическом побережье Марокко [10. v. VI. № 333; 8. v. III. № 90]. Водворение Германии в Рабате было крайне не выгодно, прежде всего для Британии, чьи морские коммуникации оказались под угрозой. Поделившись своими соображениями с Парижским кабинетом, британский Форин оффис нашел там понимание сложившейся ситуации, а Делькассе тогда заявил, что «нужно постоянно демонстрировать во всех случаях тесный и прочный союз Франции и Англии» [16. С. 307; 10. v. VI. № 350].

На данном этапе развития кризиса Великобритания, почувствовав прямую угрозу своим стратегическим позициям в Средиземноморье, активнее включилась в события. Так кризис стал приобретать черты англо-германского противостояния. Таким образом, занятая странами — участницами Антанты совместная позиция в вопросе созыва конференции, начало англо-французских переговоров и неуступчивость немецкой стороны свидетельствовали об эскалации Первого марокканского кризиса, дальнейшем усилении конфликтного взаимодействия сторон, перераставшего из двусторонней конфронтации в более глубокое, блоковое, противостояние. В целом, май — июль 1905 г. можно считать периодом наивысшего напряжения в отношениях конфликтующих сторон. Так, штабами Англии и Франции велись переговоры о выработке совместного плана на случай войны с Германией. Первый лорд адмиралтейства Британии Фишер в письме к министру иностранных дел лорду Ленсдауну выразил свое мнение, что марокканский кризис представляет собой «золотую возможность» для развязывания войны с Германией и уничтожения ее флота [8. v. III. № 85].

Немецкому правительству было известно о начавшихся переговорах между Лондоном и Парижем [12. v. III. № 442]. В ответ немцы решили дипломатически обезопасить себя и если не заручиться однозначной поддержкой иных заинтересованных держав, то, по крайней мере, добиться их нейтралитета. Так, в мае 1905 г. Берлин рекомендовал испанцам не вмешиваться в текущий конфликт и оставаться с Германией в дружественных отношениях, которая могла бы в будущем оказать ей гораздо больше содействия в ее марокканских делах, чем любая другая держава. Однако испанцы, лавируя между немцами и французами, в конечном итоге встали на сторону последних и остались верными заключенному в 1904 г. франко-испанскому соглашению по Марокко [8. v. III. № 87]. Итальянцы, будучи напуганными «возможностью войны», заявили о своем нейтралитете в данном вопросе [13. С. 61]. Примечательно, что немцы заручились поддержкой со стороны США, используя сотрудничество с американцами в Китае [12. v. III. № 301]. Ответ президента Т. Рузвельта — прямые указания своим представителям в Марокко сотрудничать с немецкими коллегами — крайне удовлетворил Берлин. Кроме того, американское правительство поддержало немецкое предложение о созыве конференции.

Параллельно дипломатической подготовке, вслед за англичанами и французами, немецкие военные рассматривали вооруженные действия как возможный вариант развития событий: начальник германского генштаба фельдмаршал А. фон Шлиффен разработал план вторжения во Францию. В частности, еще 20 апреля он писал фон Бюлову: «Россия сейчас воевать не может, имея уже на руках войну против Японии; если война с Францией необходима, то настоящий момент бесспорно благоприятен» [2. С. 120]. Однако цели военных и политических кругов Германии разошлись: Вильгельм II прямо заявил, что «не хочет войны до тех пор, пока не будет заключен союз с Турцией и со всеми арабскими и мавританскими государями». Он предлагал сосредоточить усилия на решении внутривнутриполитических проблем: «Сначала перестрелять, обезвредить социалистов, и тогда — внешняя война, но не раньше и не сейчас!» [2. С. 148]. В конце декабря 1905 г. кайзер уволил Шлиффена.

Анализ линии поведения стран-участниц Первого марокканского кризиса позволяет признать, что начало войны летом 1905 г. было маловероятным. Несомненно, он в немалой степени поспособствовал формированию опасного очага напряженности в Европе, однако ни одна из сторон не желала радикального обострения марокканского вопроса и до последнего склонялась к мирному урегулированию кризиса: в критической ситуации соотношение элементов «мира» и «войны» склонилось в сторону дипломатического урегулирования.

Так, в самом Берлине запугивание войной носило скорее декларативный характер, там изначально рассчитывали на мирный исход вспыхнувшего кризиса, а в качестве возможных вариантов его разрешения рассматривали двустороннее соглашение или конференцию заинтересованных держав; страны-участницы Антанты также ограничились одними дипломатическими переговорами, хотя в них и поднимался вопрос о военных мероприятиях. В действительности, ни одна из конфликтующих сторон не была готова и не планировала начинать войну из-за небольшой африканской страны. В противном случае война грозила обернуться

настоящей национальной катастрофой для всех трех держав: Германия была еще достаточно слаба, чтобы выступать в роли агрессора, Франция действительно была напугана непредвиденным развитием событий, а Англия под напором общественного мнения, которое не одобрило бы войну за Марокко, должна была объявить о своем нейтралитете [12. v. III. № 525; 8. v. III. № 132a].

Во многом смене настроений на международной арене поспособствовали внутривластные изменения в Лондоне и Париже. Так, 6 июня 1905 г. «пробританский» и «антинемецкий» [10. v. VI. С. 601—604] глава МИД Т. Делькассе был вынужден уйти в отставку из-за резкой критики своей марокканской политики со стороны премьер-министра Рувье — сторонника французского сближения с Берлином и связанного с немецкими банкирами и промышленниками [11. С. 484]. Последний обвинял Делькассе в том, что его неуступчивость немецким предложениям «полюбовного» разрешения спорных вопросов и безоговорочная вера в британскую поддержку едва не втянули Францию в настоящую войну. Немецкое правительство ликовало: «Делькассе оказался в довольно щекотливом положении. Он, несомненно, совершил ошибку, проводя свою политику в Марокко без нашего участия. Теперь эта ошибка горько мстит за себя» [3. С. 215]. Кроме того, в декабре 1905 г. в Англии на смену прежнему консервативному кабинету пришли либералы; статс-секретарем Форин оффис вместо Ленсдауна стал Э. Грей, считавший соглашение 1904 г. не более чем обоюдным желанием сторон устранить причины споров между двумя нациями [15. С. 125]. Грей отказывался признавать, что руководящей мыслью английских дипломатов в переговорах с Францией в апреле-мае 1905 г. являлось стремление подготовить *вооруженное* столкновения с Германией [8. v. III. № 84].

В результате немцы добились некоторого смягчения настроений английской и французской общественности по отношению к Германии: в Париже появились тенденции к установлению с ней дружественных отношений [19. С. 68], а в Лондоне на время приутихли антигерманские лозунги [8. v. III. № 92]. Более того, можно утверждать, что на данном этапе развития марокканского кризиса немцы одержали еще одну тактическую победу: Англия и Франция пошли им на уступки и в поиске взаимоприемлемого компромисса согласились на созыв международной конференции, что в целом снизило остроту марокканского кризиса.

Важно отметить, что Лондон до последнего отговаривал французов от принятия идеи конференции: Форин оффис опасался, что немцы добьются аннулирования англо-французского соглашения 1904 г. [8. v. III. № 138]. Однако в данном случае Париж проявил настойчивость и убедил Лондон в правильности принятого решения: «Принятие идеи конференции является наиболее выгодным разрешением имеющихся разногласий. Францию поддерживает Англия, Испания, вероятно, и Италия будет на нашей стороне, Германия останется в одиночестве. Несомненно, она, пользуясь благоприятным расположением султана, запросит различные концессии, порты, право «свободной руки»... мы должны не допустить ее чрезмерного присутствия в Марокко» [8. v. III. № 134]. В свою очередь, немецкая сторона заверила Лондон и Париж, что ранее заключенные англо-французское и франко-испанское соглашения по Марокко останутся неизменными [8. v. III. № 134].

Финал кризисного этапа «марокканской драмы» разыгрался в январе 1906 г. на Альхесирасской конференции, ставшей ареной столкновения двух сил: Антанты и Германии. Последняя, выступая в роли инициатора проведения этой встречи, оказалась в конечном итоге в меньшинстве: Англия, Россия, Италия, Испания и даже США оказались на стороне Франции, Германию поддержала только Австро-Венгрия, хотя и та не проявляла особого участия в решении далекого от нее и не популярного в монархии Габсбургов вопросе.

Альхесирасская конференция закончилась подписанием 7 апреля 1906 г. Генерального акта, который определил статус марокканского государства и стал логичным завершением данного этапа борьбы заинтересованных держав. Он закреплял три принципа дальнейшего существования Марокко: его суверенитет, территориальную целостность и принцип открытых дверей. При этом устанавливалась международная опека над султанатом с преобладающей ролью Франции и Испании [9. С. 55—318].

На первый взгляд может показаться, что итоговые решения Альхесираса явились триумфом французов и провалом немцев, которые в целом ошиблись в своих изначальных расчетах [18. С. 151]. На наш взгляд, не стоит однозначно рассматривать результаты конференции: все же ее решения носили компромиссный характер, не обеспечивая конфликтующим сторонам полной победы или полного поражения. С одной стороны, перед французами (и вместе с ними испанцами) открывались новые перспективы проникновения в Империю шерифов: Париж еще на один шаг стал ближе к цели установления своего протектората. Однако в то же самое время продемонстрированные в 1905 г. решительные намерения Германии участвовать в борьбе за султанат ставили под угрозу срыва планы французов в Шерифской империи, что, в свою очередь, толкало последних к пересмотру ранее разработанной стратегии «мирного проникновения» в страну. Франция увидела в лице немцев серьезную угрозу своим позициям в марокканском султанате: становилось очевидным, что его дальнейшее подчинение будет возможным только с согласия Германии, полученного, вероятно, ценой уступок.

В свою очередь, Германия добилась конкретных уступок: провозглашение «свободы и полного равенства» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении», право участвовать в создании и контроле деятельности Марокканского государственного банка. Наконец, что немало важно, она смогла отстоять *status-quo* Марокко: несмотря на все ограничения, наложенные Генеральным актом, юридически оно продолжало существовать как *самостоятельное и независимое* государство во главе с султаном, руководившим внешней и внутренней политикой государства. Оценивая итоги 1905—1906 гг., фон Бюлов отмечал, что попытка других держав отстранить Германию от разрешения важного международного вопроса потерпела неудачу, и характеризовал решения конференции, как «отпор стремлениям Франции обойтись с Марокко, как с Тунисом» [2. С. 198].

Из вышесказанного следует, что с тактической точки зрения немцы достигли локальных целей: Марокко продолжало оставаться независимым и самостоятельным государством, французы согласились на политико-дипломатическом уровне разрешить спорные вопросы. Более того, они не стали полноценными хозяевами

Марокко, а довольствовались ролью «европейского жандарма на марокканской земле» [7. С. 54]. В свою очередь, такой статус Марокко давал возможность Германии продолжить борьбу за это африканское государство и добиться конкретных уступок, что означало, что франко-немецкий конфликт оставался открытым для дальнейшего урегулирования.

Однако с точки зрения стратегии, инициированный Германией, кризис закончился ее же поражением: немцам не удалось ослабить Антанту. Наоборот, эти державы выступили единым фронтом перед лицом Германии, что положительным образом сказалось на динамике англо-французских отношений. Кроме того, фактическая изоляция немцев на конференции поставила вопрос о взаимоотношениях членов Тройственного союза, положение которого стало менее устойчивым в связи с упрочнением англо-французской Антанты. Фон Бюлов отмечал, что в ходе конференции Тройственный союз не выступил единой силой, а его союзники не оказали ему должной поддержки, какую продемонстрировала Англия: итальянское население было более лояльно настроено к Франции, а Австрия гордилась ролью «второй блестящей» державы в этом союзе [2. С. 201]. Поэтому с точки зрения общеевропейской расстановки сил победа осталась за Антантой, хотя она и не являлась военно-политическим альянсом.

Стоит отметить, что Лондон также оказался в числе победителей: англичане преподнесли хороший урок Германской империи и показали свою значимость в вопросе решения кризисных ситуаций, даже если они напрямую не затрагивали их интересы. В то же самое время занятая англичанами стратегия была показательна и для французов. «Антанта выдержала испытание огнем!», — писала газета *Times* [8. в. III. № 396]. Бесспорно, Антанта выдержала свою первую проверку на прочность, а сама Англия продолжала играть роль гаранта европейского баланса сил. В действительности это означало, что только благодаря английской поддержке французы смогли легко маневрировать во время кризиса и занять жесткую позицию по отношению к немецким требованиям. Форин оффис занял выжидательную позицию, тем самым намереваясь дать понять Франции, что без ее поддержки — дипломатической, а если потребуется, и военной — ее будет ждать поражение в будущей войне. Лондон еще раз показал, что Франция, получив права в Марокко, тем не менее оказалась неспособной самостоятельно и умело ими распорядиться, своими собственными действиями спровоцировав международный конфликт. Получалось, что Англия сама себе приписала роль главного элемента Антанты, и в зависимости от ситуации, была готова рассматривать ее или как колониальное соглашение, или как выходящий за рамки колониальных обязательств военно-политический альянс. Все зависело от степени угрозы ее стратегическим интересам и соображений мировой политики.

На наш взгляд, в 1905 г. сложилась ситуация, когда спор держав завязался в локальной подсистеме, т.е. на северо-западе Африканского континента, и стал внешней оболочкой более глубокого столкновения между Германией и недавно возникшей Антантой. Поэтому можно утверждать, что события 1905 г., обернувшиеся международным кризисом, имели марокканские, иными словами, колони-

альные корни, и нашли свой выход в Европе, где великие державы вступили в активную борьбу за более благоприятную расстановку сил на политической арене. Первый марокканский кризис стал важным этапом в процессе поляризации системы в целом и явился показателем усиления колониального и европейского соперничества великих держав.

Значение марокканского вопроса в контексте рассматриваемой темы состоит в том, что накопившиеся европейские противоречия нашли свой выход на периферии международных отношений, а Империя шерифов как нельзя лучше подходила для определения настоящего соотношения сил заинтересованных держав, в котором Антанта имела явное преимущество. Кроме того, марокканский вопрос оказался органически встроен во внутривосточную жизнь заинтересованных держав: для французов Марокко было краеугольным камнем французской империи в Африке, где не могли присутствовать интересы третьих лиц, а для Германии марокканский вопрос был вопросом экономически значимым, на чем особенно настаивали банкиры и промышленники, а также Пангерманский союз. Наконец, несмотря на Альхесирас, марокканские противоречия заинтересованных держав не были окончательно разрешены, что превращало Империю шерифов в очаг постоянной напряженности: Англия, Франция, Германия и Испания были глубоко вовлечены в судьбу этой африканской страны, и возникновение очередного кризиса становилось лишь вопросом времени. Как было образно замечено в одном из номеров французской газеты «Фигаро» от 9 апреля: «Конференция завершилась, но решение марокканского вопроса только началось» [7. С. 54].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911 гг. — М., 1972.
- [2] *Бюлов Б.* Воспоминания. — М.-Л., 1995.
- [3] *Гейдори Г.* Монополии. Пресса. Война / Перевод с нем. Г.Я. Рудого. — М., 1964.
- [4] История германского колониализма в Африке / Отв. ред. А.Б. Давидсон. — М., 1983.
- [5] Основы общей теории международных отношений: Уч. пос. / Под ред. А.С. Манькина. — М., 2009.
- [6] *Руткевич Н.П.* Марокканские конфликты и Россия // Ученые записки Свердловского гос. пед. института. Вып. 2. — Свердловск, 1939.
- [7] *Сергеев М.С.* История Марокко. — М., 2001.
- [8] *British Documents on the Origins of the War 1898—1914* / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. — London, 1928.
- [9] *Delonche L.* Statut international du Maroc. — Paris, 1916.
- [10] *Documents Diplomatiques Français (1871—1914)*. — Paris, 1946.
- [11] *Edwards E.W.* The Franco-German Agreement on Morocco, 1909 // *The English Historical Review*. — Vol. 78. — No. 308 (Jul., 1963). — P. 483—513.
- [12] *German Diplomatic Documents 1871—1914*. — London, 1928—1931.
- [13] *Granville J.* Italy's relations with England. — Baltimore, 1934.
- [14] *Hanotaux G.* Histoire des colonies française et l'expansion de la France dans le monde. — V. III. — Paris, 1931.
- [15] *Monger G.W.* The End of Isolation: British Foreign Policy 1900—1907. — London, 1963.
- [16] *Paleologue M.* Un grand tournant de la politique mondiale 1904—1906. — Paris, 1934.

- [17] *Saint-Aulaire*. Au Maroc avant et avec Lyautay. Memoires de l'ambassadeur. — Paris, 1954.
[18] *Stuart G.H.* French Foreign Policy from Fashoda to Serajevo (1898—1914). — NY, 1921.
[19] *Taillandier G.* Les origines du Maroc francais (1901—1906). — Paris, 1930.
[20] *Wilson K.M.* The policy of the Entente: essays on the determinants of British foreign policy 1904—1914. — Cambridge, 1985.

THE STRUGGLE FOR MOROCCO BETWEEN GREAT POWERS DURING THE FIRST MOROCCAN CRISIS 1905

K.Yu. Derbitskaya

Department of Modern and Contemporary History
of European countries and the USA
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, Russia, 119992

The article deals with the struggle of Great Britain, Germany, France and Spain for Morocco during the First Moroccan Crisis 1905, which is considered to be the first example of huge confrontation of Great powers for sultanate. The author singles out the internal critical phases, evaluates the results of the Conference of Algeciras for conflicting sides, and also parallels the local and European level of mutual relations between interested powers. The author gives special consideration to the role of Moroccan factor in the process of polarization of the system of international relations before the First World War.

Key words: First Moroccan Crisis, Morocco, T. Delcasse, Entente Cordiale, Conference of Algeciras (1906), International polarization.